

горий продолжало оставаться одной из распространенных форм социального сопротивления народных масс: законодательство остготского государства, защищая интересы крупных земельных собственников, принимало против этого самые строгие меры.

Другой, также весьма распространенной формой социального протеста угнетенных слоев населения (рабов, колонов, оригинариев) являлись частные, локальные выступления против отдельных представителей господствующего класса, выражавшиеся в угоне стад скота крупных собственников¹, захвате их земли², уничтожении посевов³, убийстве господ⁴, нападении на их имения, иногда даже с применением оружия⁵ и, наконец, — в поджоге домов и вилл крупных землевладельцев⁶.

При этом необходимо отметить, что остготское правительство применяло самые жестокие законодательные санкции именно против подобных правонарушений. Так, например, за угон стад скота эдиктом Теодориха устанавливается смертная казнь и возмещение убытков в четырехкратном размере⁷. Предписание эдикта по этому поводу гласит следующее: „Тот, кто угоняет животных (*animalium*) или стадо (*gregem*) или чужой скот (*pecorum alienorum*), будь то из конюшни или с выгона, — наказывается мечом и ущерб взыскивается в четырехкратном размере из его имущества (*substantia*)“⁸. В эдикте особо оговаривается, что если „...это будет раб (*servus*) или оригинарий, то их господин, вызванный вместо них в суд на основании законов, пусть немедленно представит судье задержанных для предания их (смертной) казни, или, если он это предпочтет, то пусть удовлетворит потерпевшего так, как мы сказали выше“⁹.

Остготское законодательство, в отличие от римского права, особо указывает на то обстоятельство, что угон стад скота производился не только рабами, но также и оригинариями¹⁰. Кассиодор, в свою очередь, рассказывает о случае, когда у одного знатного путешественника в Сицилиатинской области местными рустиками (*rustici*) были угнаны кони¹¹.

Конечно, угон скота мог быть и просто актом грабежа, однако, вместе с тем, не подлежит сомнению, что это была также одна из форм социального сопротивления трудящихся. Об этом свидетельствует прежде всего то, что в остготском (как и в римском) законодательстве особенно строго карается именно угон стад скота, захват же небольшого числа животных рассматривается как кража и наказывается значительно мягче¹². Подобное разграничение указывает не только на стремление законодателя наиболее действенным образом оградить интересы крупных соб-

¹ ETh., §§ 56, 57, 58.

² Ibid., § 104.

³ Ibid., § 151.

⁴ Cassiod. Var., I, 30; II, 19.

⁵ ETh., §§ 16, 75, 77.

⁶ Ibid., § 97.

⁷ ETh., § 56.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem.

¹⁰ ETh., § 56. Cp. Paulus. Sent., lib. V, tit. 18, § 2.

¹¹ Cassiod. Var., VIII, 32, § 4. Cp. IV, 49; VII, 1.

¹² ETh., §§ 56 и 57. В § 57 говорится следующее: „Если будет доказано, что угонщик (*abactor*) угнал, будь то из конюшен или с выгона, или похитил и насильно увел одного коня, до 2 лошадей и столько же быков, до 10 коз и до 5 свиней, то пусть он наказывается строжайшим образом (т. е. смертной казнью. — З. У.); если же будет кем-либо похищено менее указанного количества животных, в том числе и свиней, то виновный наказывается штрафом, равным 4-кратной стоимости (животного), который взимается с него, как с вора“.